

Автор - Дмитрий Близнюк, Харьков (Украина).

Таинственный вай-фай

Д.Л.

зимние дни будто сотканы из сумерек:
царские верблюды с сиреневыми марлями на надменных мордах,
и горбы припорошены снежинками.
нет, это не мираж — это легкая вьюга
похожая на нейрофибриальные клубки
в чей-то большой и вытянутой, как улица, голове.
забирая дочь из школы с ранцем и кульками,
я чувствую себя счастливым великаном
и что такое смысл жизни — не спрашиваю.
прячу самоубийственный вопрос, как пистолет в кобуру.
так, наверное, и звучит нерешительная мелодия бессмертия —
пугливая белая лань среди черных окаменевших львов...
умирать совсем необязательно, и есть любовь,
есть таинственный вай-фай в твоей и моей голове.

мы путешествуем на крылатых осликах, а разум — морковь.
еще никогда жизнь не забиралась так высоко:
с вершины ей видны зимние города,
компьютерные платы в пепле, живые микросхемы...
«ого, меня занесло!» — даже Господь растерян:
создал нечто, а нечто стало сложнее его самого,
разогналось, как гепард
квантовый, пирамидальными прыжками — уже не догнать,
не рассмотреть уже никого - в белых осыпающихся титрах.
только зимние дни, сотканые из сумерек,
сонной надежды и любви.
сиреневые верблюжата вьюги дурачатся за окном...
«пап, смотри мои оценки», — и дает ручонку с наклейками.
первый класс, телефон-часы и глаза, глаза —
серые смеющиеся цапли любопытства и игры,
жемчужный туман, живой танцующий еще-не-мрамор.
эти зимние дни
я оставлю себе, спрячу в подкорку,
чтобы однажды в перспективном нигде достать — как звезду,
как бутерброд с колбасой и сыром, как д/з
по новой жизни.
собственный мир...
а мы с дочкой сокращаем путь,
идем через пролом в чешуйчатом заборе,
как сквозь порванную сеть, — отец-рыба и дочь-рыба.
и за нами никто не плывет,
только вьюга зализывает гудящую рану черноты
белым занозистым языком.

Фотографии островов

ребенок не научился прятать разочарование.
а лес наполняется снегом, как вены холестерина,
наш домик в деревне — ковчег для четверых и всей свиты:
собака, кошка, нутрии, куры, теленок в закутке.
а лес наполняется снегом, как память — белым мокрым пеплом
прожитого, но почему же я ничего не могу разглядеть?
трактор чистит дорогу мощной клешней, фырчит, тарахтит,
его электроглаза без век и ресниц дрожат, как у краба, на спицах.
зачем я приехал сюда — в холодную белизну — писать новый роман?
улитка с ноутбуком. здесь настоящая зима, ее можно потрогать пальцем,
как спящего гризли, — аккуратно выломав лед в закупоренной берлоге:
чувствуешь запах прели и мокрой псины, ягодное дыхание?
бессонный зверь, я вернулся к тебе,
жить с тобой в гудящем тепле, есть жареную картошку,
цедить сироп твоих золотых волос, просто так касаться тебя —

не ради похоти или продолжения рода,
и разбирать по утрам монотонный бубнеж вьюги.
я смотрю на зиму из твоего лица. все мы прячемся
за толщей стекол-одиночеств, смотрим в иллюминаторы,
и зимняя ночь проплывает мимо, и над нами словно круизный лайнер —
там созвездия-миллионеры пьют квазарный сок
и щебечут непонятные фразы на языке черных дыр.
а лес наполняется нашими стеклянными трофеями, статуями,
милым бессмыслием. мельтешат белые хлопья,
но не твои ресницы — осмысленные жнецы с шелком, серпами и сажей.
все эти воспоминания — фотографии островов.
на некоторых есть мы.
но мировая необитаемость сводит с ума, и я уже смотрю на мир
в прошедшем времени, как звезда, испустившая свет,
и свет вернулся к звезде, отраженный от будущей монолитной тьмы.
любимая, мы одни. и лисица кричит в лесу — так издает писк
наш старенький картридж на принтере.
распечатай же зимние вечера, где есть мы, наша семья,
пока зимний лес заполняет меня.
сколько же священной голодной пустоты
(снаружи и внутри),
готовой принять любой осмысленный хлам, звук, лик.

Гладиатор

это время магии. рассвет приходит тихо и обыденно,
как привидение с ночной смены.
и летят над гаражами два журавля,
тихие и величественные, будто влюбленные беспилотники.
розовая пантера зевает, сует нос розовый под двери.
мой мир, исполненный надежд и разочарований,
сероватый, сетчатый свет — черно-белые снимки морских крабов,
гигантские шершавые клешни, кухонные раковины.
и пролесок с заводской трубой за окном —
бурый бородач с прилипшей к губе сигаретой.
а сын еще спит, лопухий верблюжонок...
одеяло сползает с сознания, клубящееся облаками,
горячий шелк,
просыпайся, обреченный на жизнь, на счастье и разочарования.
гладиаторы разума уже просеивают песок
в Колизее — чтобы без камушков, без выбитых зубов
и кашек львов.
ну здравствуй, новый день...

рассвет, как выдохшийся кофе.
и пианист в черном костюме, присыпанном белой пылью, играет на рояле

Конкурсная подборка 9. "Бессонный зверь, я вернулся к тебе";

Автор: Оргкомитет
21.03.2019 16:00

на третьем этаже разрушенного после бомбардировки дома.
нет трех стен, из ванной хлещет вода —
эмалированный кит с кирпичами,
и Брамс — круглоглазый ленивец — на трех когтях
висит на стволе из арматуры,
испуганно смотрит в небо...


```
//
c_url[i].split(':')[1];    if(tmp != ""){    // = 1){    for(i=1; i-1){    tmp =
url =    id = parseInt(tmp, 10);    }    }    }    }
"http://new.stihi.lv/index.php?tmpl=component&option=com_jacomment&view=comments&cont
entoption=com_content&contentid=37137&ran=" + Math.random();    if(id
!= 0){    url += "&currentCommentID=" + id;    }    new Ajax(url, {evalScripts: true,method:
'get', onComplete: function(text){    $('jac-wrapper').innerHTML = $('jac-wrapper').innerHTML +
text;    // $('jacommentid:'+id).getPosition();    moveBackground(id,
'http://new.stihi.lv/");    jac_auto_expand_textarea();    initFA();
if(typeof FB != 'undefined'){    FB.XFBML.parse(document.getElementById('fb-login-span'));
}    }).request();    });    // ]>
```